

МАЭСТРО-ШУТ сосулился, посмотрев виновато и робко: «Извините, — говорил его взгляд, — хотел повеселить вас этой любовной историей, а вот ведь как получилось...» Согнувшись, пошел со сцены за кулисы — туда, где был обозначен красивый старинный город. Но еще долго звучал мерный стук его посоха. Тук. Тук. Тук. Так стучит сердце. Так отсчитывают время часы. Так стучит по дороге одинокий посох Маэстро-шута.

А ведь, и правда, веселая замечательная история. Кто на нас, зрителей конца столетия, близко к сердцу принимает страдания Ромео и Джульетты? Они для нас скорее символы, чем живые люди... Начинаясь эта рок-опера по великой трагедии, названная создателями «Любовь и смерть в Вероне», довольно весело. И перевёрнутые роли, среди которых происходило действие, еще не воспринимались символом умершей музыки, а являлись скорей, как находка режиссера. Музыкальный спектакль? Значит, и атмосфера, в том числе и специфическая (художник А. Яновский), должна быть музыкальной.

Но что это? Мрачат актеры; музыка звучит все трагичнее. И ты, Маэстро-шут — дирижер сегодняшнего вечера, — уже не улыбаешься. Актеры, пережившие вместе со своими героями трагедию истинной любви, понимают это вовсе не смешно, а куда как серьезно: двое не могут жить друг без друга, физические друг без друга умирают. А от того, что для нас сегодня они — лишь символ настоящей любви, история кажется еще страшнее.

Тук. Тук. Тук. Стучит посох Маэстро-шута (удивительно яростно и страстно сыграл эту роль Р. Вилкайтис). И мы вдруг поняли: театр заставил-таки нас задуматься о силе настоящей любви, и трагедия Ромео и Джульетты — хрестоматийная эта трагедия — стала живой.

А кроме этого, спектакль получился еще и о том, что с великими произведениями нельзя обращаться随心所欲но. Маэстро-шут думал, что актеры его труппы лишь повеселят нас старинной историей, — а что получилось в результате? Великие книги и пьесы — живы в реальном, они обладают характером, который не позволяет随心所欲ничать, в стоишь трагедию сделать комедией — она бунтует, и на глазах зрителя все равно слезы печали, а не радости.

Поставив спектакль молодой литовский режиссер, о котором сегодня пишут и говорят очень много, — Эймунас Некрошюс.

Некрошюс никогда не ста-

вит спектакли о чем-то одном, его работы всегда полифоничны. Вот и эта рок-опера еще и о том, как нелегко, как коварна профессия художника. Маэстро-шут — нелюбимое прозвище для режиссера, не так ли? А разве не бывает так, что режиссер вкладывает в свой спектакль одно, но актеры вдруг все осмыслили по-другому, и самая сокровенная мысль режиссерская до зрителя так и не дошла, но зато открылось что-то иное, вдруг возникла неведомая откуда новая неожиданная идея... Кстати, образ Маэстро-шута Некрошюс сам взял в спектакль.

он внаслеи только тобой, твоими видениями, твоими чувствами в мыслями, и никому на всей земле мир этот не нужен.

Конечно, Эймунасу Некрошюсу повезло, что он однажды встретился с Далею Тамулявичюте — нынешним главным режиссером Государственного театра молодежи Литовской ССР. Как, наверно, повезло всем, кто работает сегодня в этом театре. Театре, где не боится доверять таланту.

У рок-оперы «Любовь и смерть в Вероне» два автора. Автор либретто — известный

рый веда молодая выпускница ГИТИСа, ученица Марии Осиповны Клебель Дале Тамулявичюте.

Курс был страшный. Неистовый. Репетировать по ночам? Прекрасно! Только дайте место... Уже на втором курсе играли спектакли в маленьком театре при консерватории. К выпуску подготовили шесть (!) дипломных спектаклей. Такой темп выдержали не все: двадцать поступили в консерваторию, десять ее закончили и влились в Литовский молодежный театр. Было это десять лет назад. Если не по бумке, а по сути судить, с

В спектакле «А все-таки она вертится!..» по пьесе А. Хмелика Тамулявичюте посадила учительницу спиной к классу. Так и сидит эта учительница, что-то диктует, что-то лениво говорит — спиной к детям, к детству спиной... Спектакль этот очень веселый, смешной, легкий — спектакль-детство. Два часа детства дарят нам актеры и режиссер. Но эта учительница, сидящая спиной к классу, — тревожащий символ.

Один из актеров театра Альгирдас Латенас, когда мы спросили, не трудно ли работать с такими разными режиссерами, как Тамулявичюте и Некрошюс, ответил: «У них специфический взгляд, подход к спектаклю разный, а вот тут, — и Латенас показал на левую сторону груди, — у них все очень похоже».

Кстати, Тамулявичюте первой поставила первую пьесу Саулюса Шальтияниса «Брысь, костлявая, брысь!». А эпизет «известный писатель», который теперь всегда рядом с фамилией Шальтияниса, появился позже. Если бы Тамулявичюте ничего не сделала за свою жизнь, а только помогла бы раскрыться драматургу Саулюсу Шальтияису, режиссеру Эймунасу Некрошюсу и десяти талантливым актерам — и этого было бы больше, чем достаточно. Но она еще ставит талантливые спектакли. Но она еще — строит театр.

Что это за театр? Театр актера? Да. Удивительные актеры в этом театре. Например, тот же Латенас играет сегодня вечером Елигея в испенировке «И долгие века длится день» Ч. Айтматова, а завтра — школьника Лопотухина в пьесе Хмелика. Не маленький диалогон, не правда ли? Об игре без слов В. Паткявичюса в «Пирсомани, Пирсомани...» можно написать трактат. В. Вагдонаса, который играет Пирсомани, заметил на этом спектакле режиссер Элем Клямов и снял в своем последнем фильме «Иди и смейся».

Театр режиссера? Безусловно.

Театр драматурга? Конечно. Мало того, что здесь есть свой драматург Саулюс Шальтиянис, может быть, важнее, что в афише театра нет ни одного случайного автора.

Говорит, сегодняшнего информированного и не болно сентиментального зрителя театр потрясти не может. Литовский молодежный не хочет в это верить. Потому что театр, который не потрясает, — не театр, а лекция, прочитанная по полям.

Н. ЛАШКЕВИЧ,
А. МАКСИМОВ.
(Наши спец. корр.)

Вильнюс.

ДЛЯ ВДОХНОВЕННЫХ ЗАНАВЕС ОТКРЫТ

Поиски и обретения Государственного молодежного театра Литовской ССР

А в спектакле «Пирсомани, Пирсомани...», по пьесе В. Коростылёва, он практически придумал роль Сторожа. Помните, знаменитую картину Пирсомани: бородастый человек в форменной фуражке и белом фартуке смотрит на нас, а в глазах усталая мудрость? Сторож на сцене в течение всего спектакля. Некрошюс придумал его глухонемым — весь спектакль на слова. Только детский испуганный взгляд. Только незеловкий угловатый жест. В. Паткявичюс играет взрослого ребенка, который, может быть, единственный в этом мире если не понимает, то чувствует величье Нико Пирсоманишвили (В. Вагдонас). Не случайно Дворник с картины Пирсомани в спектакле превратился в Сторожа...

Однажды на праздник Пирсомани подарил Сторожу пасхальное яичко, завернутое в бумагу. Сторож образовался, как ребенок, начал личико разворачивать. Золотистой бумагой было очень много, красивая, шуршащая, она все разворачивалась, разворачивалась, разворачивалась. Красная, но шелуха... Пирсомани показывает всем замечательку в газете, в которой написано, что он — Пирсомани! — живет на свете, и что он — Пирсомани! — художник. Держит эту замечательку, как пасхальное яичко, — не разбить бы! — не шелуха ли эта шелуха!..

Художник велик не картинными своими, не стихами, не фильмами и не спектаклями — миром, который создает. Этот мир — счастье художника. И — трагедия, когда

в Литве поэт Сигитас Года. Автор музыки — Кястутис Антанелис — выпускник инженерно-строительного института, не имеет специального музыкального образования. Но в театре разумно рассудили: на сцене надо ставить музыку, а не диплом об окончании консерватории.

В Литовском молодежном театре не только уважают талант, но и понимают, что талант имеет свойство быть неудобным для окружающих.

— Между прочим, я — угловатый человек, не написав в жизни ни одного стихотворения. Сузари, в общем, — улыбается директор театра Алофас Веренис.

Но этот «сухарь» никогда не торопит режиссера ставить спектакли. И даже, если понимает, что отсуствие премьеры до конца сезона означат невыполнение плана по постановкам, что, в свою очередь, означает отсутствие премий, — все равно не торопит. Он вообще считает, что лучше ставить немного выдающихся спектаклей (за четыре работы Некрошюс удостоен Государственной премии республики), чем много поделок.

— Ужасно не люблю все эти заседания, коллегии, органы, — главный режиссер театра Дале Тамулявичюте разводит руками. — Но кому-то надо этим заниматься. Главный режиссер есть главный режиссер.

Был в Вильнюсе Молодежный театр. Работал. Ставил спектакли. Хорошие и разные. Но лицо театра промаршировалось плохо. А в консерватории был актерский курс, кото-

этого момента в Литве появились комый театр.

Некрошюс тоже поступил в Тамулявичюте на актера. Правда, с самого начала чуть было не ушел: узнал, что его сосед по общежитию «савалялся», и вполне серьезно предлагал взять его вместо себя. Тамулявичюте увидела в этом неразговорчивом и, казалось, неуклюжем парне будущего режиссера.

Сейчас о спектаклях Некрошюса пишут, пожалуй, больше, чем о работах Тамулявичюте. Известно: люди творческие очень обидчивы. И зависть тоже им, увы, не чужда. Да и вообще, часто ли увидишь, чтобы главный режиссер позволял работать рядом с собой незаурядному таланту?

— Не понимаю, что значит хороший спектакль того режиссера или другого, — говорит Дале, — понимаю: хороший спектакль нашего театра?

...Люди, обожженные войной — их было много, — ползли по сцене и что-то шили. Неистовая махая иглами, шила что-то огромное. И вдруг над сценой зашумела невообразимо громадная шинель. Она качалась над черным пространством сцены и чем-то напоминала колокол, все люди спрятались в нее, согнулись в ней. Она всех вместила — эта, сшитая руками многих людей, теплая шинель. Тамулявичюте поставила к 40-летию Великой Победы спектакль, в котором оживала поэзия замечательных литовских поэтов С. Нерис и П. Ширви-са.